

КНИГА ВАЛЕНТИНЫ Юрченко «Иллюзия близости» — это три повести об отношениях, об обманчивой близости, о женском одиночестве. Разные по содержанию, повести схожи основной идеей и настроением. Во многом похожи и их героини — Анна, Эля и Катя.

Проза Валентины Юрченко — приглашение пожить сбивчивыми мыслями своих героинь, посмотреть на мир их невеселыми глазами, помочь им сделать генеральную уборку в собственной голове. Анна, Эля, Катя — не реализованные ни в профессии, ни в любви женщины. Они придумывают истории о себе и о тех, кто вокруг, переписывают заново свое прошлое, живут работой. Из будней и складываются повести, наполненные буднями.

Человеческие отношения — неиссякаемая тема. И именно поэтому сложная. С одной стороны, всегда найдутся читатели новых историй любви и страсти, как бы схематично ни были они написаны. С другой — непросто сказать об отношениях что-то новое, дать читателю неизвестный до того ключик — как выстраивать отношения. Выписывая новый узор отношений, сделать его элементы символами, гармонично соединить их.

Три повести книги «Иллюзия близости» насквозь пропитаны отношениями. Через них героини воспринимают мир и самое важное в этом мире для них — отношения.

Думать об отношениях, вспоминать их или фантазировать героини начинают по любым поводам, даже разглядывая синяк на ноге. Каждая повесть — попытки героини структурировать, уравновесить свои мысли, навести порядок в своем мозгу. Для читателя наблюдать за этим — спорное удовольствие, тем более что в конце повести ощущения порядка или хотя бы ухода от точки отсчета не возникает.

«Элю всегда отличал созерцательный романтизм» — сообщает героиня повести «Гостиница номер три» о самой себе. На созерцательности Эли строится повесть, но эта созерцательность диффузна, несбалансированна. Героиня сообщает нам все, что приходит ей в голову, — сразу, без обработки. Благодаря этому, с одной стороны, проза обретает почетную нынче непринужденность. С другой стороны, именно это заставляет останавливаться, перечитывать резкий скачок мысли или неудачное сравнение. Например, такое: «Как стаявшие струйки мороженого, пробираются к земле мутные ручьи снега, обна-

жая влажные неровные горбы сизого льда. Зеленоватая вода реки Годелянки прижимает к дальнему берегу льдины». После этого абзаца — ни разу про Годелянку, мороженое или льдины.

Героиня каждой повести «Иллюзии близости» — любительница вешать ярлыки, ставить оценки, придумывать ремарки. Каждый портрет, характер строится на этом, даже свой собственный образ героиня стремится создать любимым способом — своими же словами. «Умная-то я умная», «я же упрямая, меня насильственно ни к чему нельзя принуждать», «увы, и рассеянность характеризует меня», «дурацкое воображение — вечно не в тему!». Многочисленные ремарки и оценки не дают читателю самостоятельно думать, настраивают скорее на спор или на абсолютную пассивность.

Самая неоднородная, сбивчивая повесть — «Семнадцатый день». Здесь смешиваются несмешиваемые вещи: авангардизм, который любит Анна, и купола церквей, и цитаты из «Эротики — супер», в которой работает героиня, и строчки Бродского, и нескончаемый, подробный секс, атакующий голову Анны. И ко всему этому эзотерика, вынесенная в название. Она неубедительна, как неубедительно и то, что Анна называет сектой: изучение йоги, вера в Атлантиду, вегетарианство и воздержание.

Гормональный уровень в «Семнадцатом дне» зашкаливает. На шестьдесят страниц повести приходится двенадцать обширных, дурно пахнущих цитат из порногазеты. Для чего автор столько раз обращается к ней? Возможно, чтобы показать, как шаблонные, стереотипные модели поведения управляют и жизнью героев. Но можно ли поверить в это, если истории прописаны урывками, как будто просеяны через голову главной героини? В итоге при чтении — резкие скачки от порно к Бродскому, к церквям, к детским урокам. Со всем этим — описание первого сексуального опыта, второго, третьего — тоже схематичное, с отталкивающими, ненужными подробностями.

Героиня «Семнадцатого дня» то пряма и жестка, то лирична и мечтательна. Но ее лиричности не веришь, она похожа на желание понравиться или вызвать сочувствие. Ее наивная искушенность не поражает, а раздражает.

Валентина Юрченко стремится к афористичности. Ее герои часто произносят краткие благозвучные фразы, претендующие на то, чтобы остаться в памяти. Но фразы эти, будто только что пришедшие в голову, необработанные, неглубокие, не всегда ясные. «Кухня — библиотека мысли», «метро — это механизм, муравейник с множеством входов и выходов», «бесконечное пиво — визитка вечерующих переходов», «утро

занято сортировкой душ», «хаос создают дилетанты», «имена — это как никотин» и другие.

В повестях Валентины Юрченко множество подробностей, не сообщающих читателю практически ничего, не раскрывающих ни один образ — кроме образа главной героини. Кремовые брюки немца Ганса, упоминающиеся не один раз, не говорят нам ничего о самом Гансе, тапочки, которые забывает предложить подруге Лейла, мало сообщают нам о Лейле, полупрозрачный в малиново-желтых тонах тюль не помогает представить коммуналку. Все эти мелочи навязчивы и создают лишь иллюзию значимости.

Первая повесть изобилует цитатами из «Эротики — супер», вторая — из словаря Даля и театральных интервью. Эля — журналистка, жонглирующая информацией, кусками текстов, человеческими историями. В ее голове масса слов, понятий, оценок, которые быстро всплывают в нужный момент, потому что находятся неглубоко.

Такая проза похожа скорее на снятый с диктофона необработанный текст интервью — сбивчива, рассыпчата.

Третья повесть, «Код на удачу», более сюжетна, конкретна. Практически все герои — работники издательского дома, да и время повести очерчено: ожидание новогоднего праздника — сам праздник — день после. В повести есть кульминация, заставляющая волноваться, сомневаться, гадать «на удачу». История вырастает в обобщение, причем впервые за книгу — в оптимистическое обобщение. В прагматичной, просчитанной не нами, но за нас, жизни, есть место справедливости и Чуду. И Чудо это может сотвориться самыми обычными руками и без видимых причин.

Стилистически «Код на удачу» немногим отличается от двух других повестей в «Иллюзии близости». Те же цитаты в тексте (строчек банальных стихотворных поздравлений, популярных песен с припевками «най-най-на-на»), полуслучайные названия главок, бытовые диалоги, навязчивые подробности, сленг, ярлычки на людях и др. Однако «Код на удачу» оставляет совершенно иное впечатление. Во-первых, благодаря своей идее, во-вторых, благодаря тому, что автор позволила действовать многим персонажам, а не только главной героине.

И все же книга Валентины Юрченко «Иллюзия близости» не застревает в памяти, не заставляет думать или действовать. Ее закрываешь как журналистскую визитницу с множеством имен, фамилий и маленьких ярлычков, и, закрыв, сплещишь к реальным людям. Как выстраивать отношения? Как быть близкими не иллюзорно, а по-настоящему? Вопросы не сдвинулись с места.